

В. Ф. СЕМЕНОВ

ЧАРТИЗМ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Последний, наиболее обстоятельный обзор зарубежной литературы о чартизме был сделан академиком Ф. А. Ротштейном более чем тридцать лет тому назад¹. С этого времени в Англии были опубликованы новые работы частью общего характера — по истории рабочего движения первой половины XIX в., частью специального — по отдельным вопросам чартизма. Эти работы принадлежат представителям самых различных политических группировок. Буржуазные либеральные, радикальные и лейбористские авторы достаточно отчетливо выявили свои взгляды на этот замечательный период истории революционного рабочего движения Англии. Много сделано по изучению чартизма английскими историками-коммунистами.

В настоящем обзоре делается попытка разобраться в названных направлениях английской литературы о чартизме за последнее тридцатилетие и подвести некоторые итоги изучения его в Англии за этот период. В статье рассматриваются работы, имеющие непосредственное отношение к истории чартизма.

1

Буржуазные либеральные авторы обычно уделяют очень мало внимания чартизму, ограничиваясь сухим кратким очерком в общих работах², или совсем пытаются обойти чартистское движение. Ярким примером в этом отношении является книга известного либерального историка Дж. М. Тревельена. В главе XVII, названной «Между двумя биллями о парламентской реформе» (1832—1867), автор ухитрился ни разу не упомянуть о чартизме, хотя его книга и посвящена рассмотрению социальной истории Англии³.

Однако некоторые буржуазные историки более левого, либерально-радикального крыла занимались и занимаются довольно усердно изучением чартизма. Обычно это делается в связи с изложением общей истории английского радикализма, в которой чартизму отводится значительная, но явно подчиненная, несамостоятельная роль. Среди авторов радикального направления первое место безусловно принадлежит С. Маккоби, написавшему пятитомную историю английского радикализма (с 1762 по 1914 г.). Нас больше всего интересует третий том его большого труда, охватывающий 1832—1852 гг. Этот том был впервые опубликован в 1935 г. и переиздан в 1955 г.⁴ Взгляды Маккоби на чартизм можно считать типичными для радикалов-либералов. Маккоби признает чартистское движение достаточно широким и даже могучим, но видит его возникновение и развитие исключительно в предшествующем радикальном движении Англии конца XVIII и первой трети XIX в.

Радикализм, по мнению Маккоби, проник в среду наиболее развитых и образованных рабочих. Ловетт и его друзья в 1836 г. основали «Лондонскую ассоциацию

¹ Ф. А. Ротштейн. Новая литература о чартизме.— «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», 1924, кн. I; второе издание в 1928 г.

² См. «Cambridge Modern History», vol. X, ch. XXI; vol. XI, ch. I. Cambridge, 1907—1909.

³ G. M. Trevelyan. English Social History. London, 1944 (книга эта в дальнейшем неоднократно переиздавалась в Англии и США).

⁴ S. Massoby. English Radicalism, vol. III (1832—1852). London, 1935; 2 ed.— 1955.

рабочих». Это были представители «крайних радикалов» в рабочем классе. Лондонские рабочие-радикалы установили затем связь с Бирмингемским политическим союзом, а также с шотландскими радикалами. Результатом совместной деятельности лондонских, бирмингемских и части шотландских радикалов и явились первые чартистские документы — Народная хартия из шести пунктов и Национальная петиция в парламент, опубликованные в 1838 г. Оба документа содержали требование демократического всеобщего избирательного права⁵. Опубликование Народной хартии и Национальной петиции открыло новый, «чартистский» этап движения (1838—1839 гг.)⁶. Таким образом, Маккоби рассматривает чартизм как одну из фаз буржуазного радикализма, распространившего свое влияние, в отличие от предыдущих периодов, на часть рабочих. Каких-либо специфических причин, породивших чартизм именно как рабочее движение, Маккоби не видит. Чартизм, развивавшийся в 1837—1838 гг. в Лондоне, Бирмингеме, Глазго, по мнению Маккоби, был прямым, естественным порождением предшествующего радикализма и в чартистских требованиях не было ничего специфически нового, чего не выставлялось радикалами ранее. Самая идея созыва чартистского национального конвента принадлежала, по мнению Маккоби, также радикалам — Аттвуду и другим бирмингемцам⁷. Правда, в это же время на Севере среди фабричных рабочих велась пропаганда за отмену нового закона о бедных. Наиболее выдающимися лидерами этого движения были Остлер, Стиффенс и О'Коннор. Но Маккоби считает, что эта пропаганда лишь вредила делу чартизма. О'Коннор был «не кем другим, как демагогом». Его деятельность, так же как и выступления Остлера и Стиффенса, по мнению Маккоби, сослужили «плохую службу» делу борьбы за хартию. Ночные митинги, происходившие на Севере в своеобразной обстановке, с горящими факелами, заряженными пистолетами и т. п., возбуждали «неуравновешенных рабочих» и грозили опасностью движению за хартию⁸.

Особенно вредным Маккоби считает то «обожание» О'Коннора, которое наблюдалось на Севере среди рабочих, что позволяло О'Коннору произносить «безответственные и зажигательные речи и заявлять, что он никогда ни от кого ничего не получал и не будет получать ни места, ни денег, ни должностей... будь то виги, тори или радикалы»⁹. Маккоби откровенно признает, что факельные шествия рабочих Севера, поощряемые О'Коннором, внушали чувство страха состоятельным людям¹⁰.

Отдавая полное предпочтение «партии моральной силы» перед «партией физической силы», Маккоби в соответствии с этим характеризует и деятельность первого чартистского конвента, подчеркивая благоразумие правого его крыла и выражая сожаление по поводу отсутствия единства в рядах участников конвента. При этом он пытается возложить ответственность за отсутствие единства в конвенте целиком на сторонников О'Коннора¹¹.

Маккоби осуждает и последующее создание Национальной чартистской ассоциации, поскольку она стремилась стать независимой от радикалов. В противовес ассоциации Маккоби восхваляет «Новую народную организацию» Ловетта, пытавшуюся изыскать средства для народного просвещения. Вообще Маккоби с явным недоброжелательством рассматривает движение на Севере. Он преподносит его как «движение голодных рабочих», целью которых было добиться политических прав, чтобы улучшить свое экономическое положение. Рабочим, по мнению Маккоби, была якобы непонятна и недоступна та «высокая и благородная цель», к которой стремились Ловетт и его друзья в Лондоне¹². Маккоби осуждает и последующую борьбу чартистов с фритредерами¹³, а также упорство сторонников О'Коннора, боровшихся против соглашения со Стерджем, который «пытался примирить буржуазию с рабочим классом»¹⁴.

⁵ S. Massoby. English Radicalism, vol. III. 1955, p. 166.

⁶ Ibid., p. 167.

⁷ Ibid., p. 169.

⁸ Ibid., p. 179—180.

⁹ Ibid., p. 180.

¹⁰ Ibid., p. 182.

¹¹ Ibid., p. 190, 194, 202.

¹² Ibid., p. 214.

¹³ Ibid., p. 215.

¹⁴ Ibid., p. 228.

Признавая большую роль Эрнеста Джонса, включившегося во второй половине 40-х годов в чартистское движение, Маккоби, однако, и его расценивает как представителя радикализма, как «наиболее замечательного ультрарадикального политического деятеля Англии в течение всей последующей четверти XIX столетия»¹⁵.

Весьма неточно, с явным желанием умалить значение события рисует Маккоби чартистскую манифестацию 10 апреля 1848 г. По его мнению, чартистов собралось не очень много и О'Коннор был вполне прав, отказавшись от открытого столкновения с превосходящей вооруженной силой полиции и добровольцев-констеблей¹⁶.

Дальнейшая история рабочего движения после «чартистской опасности» 1848 г.¹⁷, по Маккоби, состояла целиком в подчинении рабочих руководству радикалов, занятых подготовкой парламентской реформы 1867 г. В целом чартизм трактуется Маккоби лишь как эпизод в общей истории английского буржуазного радикализма, в котором рабочие не играли никакой самостоятельной политической роли.

Нет нужды опровергать пункт за пунктом несостоятельность концепции Маккоби, который намеренно не желает видеть в чартизме выступление на политическую арену нового класса — пролетариата, его первых попыток проявить свою классовую солидарность. Он не увидел в чартистском движении Англии наметившихся тенденций, правда, пока еще не совсем четких, осудить капиталистическую систему в целом и противопоставить ей систему социалистического общества. Предвзятая точка зрения автора-радикала, рассматривающего чартизм как простой придаток радикализма, антиисторична и противоречит общеизвестным фактам истории чартизма, в частности имевшей место ожесточенной борьбе чартистов с радикалами, чего не может отрицать и сам Маккоби.

Радикально-либеральная точка зрения на чартизм развивается и в некоторых других работах, появившихся в последнее десятилетие. К ним относятся монографии Д. Уильямса и Р. Дж. Конклина, посвященные жизни и деятельности выдающихся чартистских деятелей: Джону Фросту и Томасу Куперу¹⁸, а также общая работа по истории чартистского движения в Шотландии, написанная Л. К. Райтом¹⁹. Все три названных автора развивают те же мысли, что и Маккоби; сочувствуя «партии моральной силы» и резко осуждая О'Коннора и его «сторонников физической силы», они оплакивают «неразумный» разрыв чартистов с радикалами и нежелание их работать совместно с последними; больше всего их удовлетворяет смена «грубой», насильственной фазы борьбы рабочих «мягкими» и «культурными» формами движения — тред-юнионизмом, просветительством, различными формами кооперации, борьбой с алкоголизмом и т. д. Но в каждой из названных книг есть и свои особенности, на которых следует остановиться.

Работа Уильямса, опубликованная Уэльским университетом, носит характер биографического и в то же время локального исследования. В первую очередь автора интересует личность Джона Фроста, его семья, друзья, колорит местной провинциальной жизни Корнуэлла в 30—40-х годах XIX в. Д. Уильямс тщательно подбирает источники для своей монографии. Ему удалось, в частности, собрать большой мемуарный материал. Он детально изучил по архивным материалам судебный процесс Фроста. В книге есть некоторые интересные подробности, относящиеся к своеобразию промышленного переворота в Уэльсе. Общественная деятельность Фроста показана в конкретной обстановке жизни провинциального города, где наблюдалась острая борьба правящей клики с радикальной оппозицией. В книге хорошо подчеркнута идейная связь Фроста с знаменитым радикально-демократическим публицистом Уильямом Коббетом. Ньюпортское восстание 1839 г. описано в книге живо и конкретно. Автор уделяет много внимания анализу судебного процесса Фроста, причем ему убедительно удается доказать факт давления на судей со стороны вигского правительства и самого двора²⁰. Ярко рассказано, например, об угрозах и административ-

¹⁵ S. Massobу. English Radicalism, vol. III. 1955, p. 268.

¹⁶ Ibid., p. 281.

¹⁷ Ibid., p. 285 и сл.

¹⁸ D. Williams. John Frost. A Study in Chartism. Cardiff, 1939; R. J. Conklin. Thomas Cooper the Chartist (1805—1892). Columbia University. Manila, 1935.

¹⁹ L. C. Wright. Scottish Chartism. Edinburgh, 1953.

²⁰ D. Williams. John Frost..., p. 291.

ном давлении на Фроста со стороны министра внутренних дел, известного вига Джона Росселя, автора билля о парламентской реформе 1832 г.²¹

Своим фактическим материалом книга Уильямса полезна и для советского историка. Но подлинным научным исследованием эту работу назвать нельзя, это типичное описательное, фактографическое изложение событий жизни Фроста без достаточной связи ее с историей самого чартизма. Прежде всего биограф выводит радикализм Фроста не столько из общественных противоречий эпохи, сколько из узкой местной борьбы Фроста с ньюпортскими вигами, стоявшими у власти и причинившими Фросту большие личные неприятности и материальные убытки²². О рабочем движении в Уэльсе Д. Уильямс говорит, но явно недостаточно, самая связь Фроста с горняками Южного Уэльса для читателя остается по существу неясной²³. Как у многих других буржуазных историков чартизма, у Уильямса имеется явная тенденция свести все участие Фроста в движении 1839 г., в особенности его роль в ноябрьском выступлении, к чисто «вынужденному акту». Уильямс сообщает, что Фрост будто бы сам заявлял судьям о том, что заговорщики заставили его насильно принять участие в походе на Ньюпорт, угрожая в противном случае «выжить» его и его семью из Ньюпорта²⁴. Однако при этом Уильямс ссылается всего лишь на одну заметку в маленькой провинциальной газете «Shrewsbury», не подтверждая ее какими-либо документальными данными.

Автор не дает определенной оценки ноябрьским событиям 1839 г. в Ньюпорте и их роли в истории чартистского движения. Он констатирует лишь, что это был «критический момент в истории чартизма». Между тем даже ограниченный материал, приведенный Уильямсом о движении рабочих в Уэльсе и Монмаутшире, позволяет предположить, что ньюпортские события ноября 1839 г. вовсе не были таким «маленьким», «ничтожным» эпизодом, как это обычно стараются доказать буржуазные историографы чартизма. Страх правительства перед чартистским движением в конце 1839 и начале 1840 г. объяснялся как общим широким размахом чартизма по всей Англии, так и наличием громадного недовольства на юго-западе Англии. Эта сложность и напряженность обстановки автором в должной степени не вскрыта.

Работа Конклина близка по своему характеру книге Уильямса. Но в отличие от Уильямса, Конклин больше уделяет внимание чартистскому движению в целом.

Томас Купер, которому посвящена книга Конклина, прошел длительный путь от религиозного сектантства к чартизму и свободомыслию и затем снова возвратился к религиозному сектантству. Кроме того, это был, подобно Ловетту, один из энтузиастов просвещения рабочих, создания рабочих школ, просветительных клубов, организации чтения различных лекций среди рабочих и т. д. Весьма своеобразно было отношение Купера к О'Коннору и другим вождям чартистов в связи с колебаниями самого Купера.

Насколько автору удалось выяснить причины эволюции Купера, оценить его роль в чартизме, показать типичность его как одного из руководителей чартизма?

Прежде всего следует указать, что взгляды Конклина на чартизм — типично радикально-либеральные. «Чартизм — прямой потомок старого радикального движения конца XVIII в., — заявляет без всяких оговорок Конклин²⁵. Самым сильным стимулом для чартистского движения была, по его мнению, ненависть рабочего класса к новым законам о бедных. Ссылаясь на буржуазного историка чартизма Ховела, Конклин подчеркивает большое значение для возникновения чартизма неурожай 1837 г.²⁶ Сторонники «моральной силы» в Лондоне направили движение, пишет Конклин, по правильному пути, но скоро, по мере увеличения популярности чартизма, в движении за Хартию обнаружился новый «дух» — «дух мятежа и разрушения». «Ловетт — основатель и душа первоначальной чартистской ассоциации — стоял, как скала, защищая политику последовательной реформы»²⁷. Однако сторонники О'Коннора пользовались каждым случаем, чтобы разрушить мирную деятельность лон-

²¹ Ibid., p. 180—182.

²² D. Williams. John Frost..., p. 19.

²³ Ibid., ch. IV.

²⁴ Ibid., p. 289.

²⁵ R. J. Conklin. Thomas Cooper..., p. 28.

²⁶ Ibid., p. 57.

²⁷ Ibidem.

донской организации²⁸. О'Коннор изображается Конклином как беспринципный демагог, честолюбец, полный тщеславия и себялюбия... Знаменитую чартистскую газету «The Northern Star» Конклин всячески третирует, осмеливаясь сравнивать ее с «желтой прессой наших дней». Он солидаризируется в этом вопросе со своим главным авторитетом — Ховелом²⁹.

Превращение Купера в чартиста Конклин объясняет главным образом влиянием чартистских митингов, личным воздействием самого О'Коннора, «пленившего» молодого Купера, который по своей натуре был как бы прирожденным проповедником-оратором³⁰. Таким образом, вопрос об «обращении» Купера, присоединении его к чартизму объясняется автором чисто психологически, по аналогии с историей религиозного сектантства. В книге не выяснена роль социальных влияний, не отмечается, какое впечатление на Купера произвели народная нужда, рост народного движения, подъем активности массы рабочего класса. Все дело представляется в виде своеобразного психологического переворота, происшедшего в Купере, который неожиданно превратился из религиозного сектанта в восторженного и фанатичного поклонника О'Коннора³¹. Скоро Купер стал видным чартистом-пропагандистом и лектором в своем городе Лейстере. Основанная им Шекспировская чартистская ассоциация, в которой Купер играл роль «генерала», была довольно многочисленной организацией, насчитывавшей в 1842 г. 2300 членов³². Наибольшего подъема деятельность Купера достигла летом 1842 г. во время всеобщей стачки, когда он выступал за дальнейшее развитие стачки, вплоть до применения «физической силы»³³. Купер же был одним из авторов (вместе с Бронтерром О'Брайеном) проекта создания Национальной чартистской ассоциации³⁴. Но в марте 1843 г. он был приговорен к двухгодичному тюремному заключению. В тюрьме с Купером произошел новый перелом, он решительно отказался от насильственных методов борьбы. В дальнейшем Купер стал противником О'Коннора и по требованию последнего был исключен из конвента в 1846 г. С этих пор Купер становится сторонником исключительно просветительной пропаганды среди рабочих, хотя его имя как чартиста упоминалось еще и в 50-е годы³⁵. Отход Купера от революционного чартизма автор объясняет психологическим моментом, главным образом его личной неприязнью к О'Коннору и Джонсу.

Таким образом, роль Купера как радикального попутчика чартистского движения, лишь временно оказавшегося в его рядах, а затем покинувшего эти ряды, автором не понята. Весьма парадоксальным является общий вывод Конклина о том, что Купер (так же как и Ловетт) отличался глубоко прогрессивными взглядами, в то время как О'Коннор и О'Брайен были, наоборот, реакционерами. Оказывается, Купер и Ловетт исходили из признания промышленной революции и хотели с помощью просветительства поднять рабочих до уровня образованных людей своей эпохи, в то время как О'Коннор и О'Брайен будто бы стремились лишь восстановить прежнее положение, существовавшее в Англии до революции³⁶.

В работе Л. К. Райта «Шотландский чартизм» имеются некоторые положительные стороны³⁷. Задача, поставленная автором, — показать чартистское движение в Шотландии — вполне своевременна. Хотя из общих работ по истории чартизма и до Райта было известно о многочисленных чартистских митингах и выступлениях в Глазго, Эдинбурге и других городах Шотландии, все же специального исследования по вопросу о шотландском чартизме до сих пор не было. Исследование Райта заполняет в этом отношении существенный пробел. Безусловно следует отметить и громадный местный материал, привлеченный автором.

²⁸ R. J. Conklin. Thomas Cooper..., p. 57.

²⁹ Ibid., p. 60.

³⁰ Ibid., p. 68.

³¹ Ibid., p. 70.

³² Ibid., p. 97, 110—111.

³³ Ibid., p. 145.

³⁴ Ibid., p. 172.

³⁵ Ibid., p. 391; ср. сходную характеристику Купера в мемуарах Г. Гаммеджа «История чартизма». СПб., 1907 г., стр. 234.

³⁶ R. J. Conklin. Thomas Cooper..., p. 330.

³⁷ См. рецензию Н. А. Ерофеева на книгу Райта. — «Вопросы истории», 1955, № 11.

Райт в своей работе показал тесные связи, существовавшие между английскими и шотландскими чартистами, хотя и старался всюду подчеркнуть независимость шотландского рабочего движения от английского. Очень ценны те места монографии, где говорится об участии в чартистском движении шотландских тред-юнионов. В то же время Райт нарисовал яркую картину активной деятельности местных шотландских радикалов, прилагавших все усилия к тому, чтобы удержать рабочих под своим влиянием и руководством. Автор вскрывает многообразие форм шотландского чартизма, объясняющееся преобладанием в движении представителей буржуазных и мелкобуржуазных слоев. Он показывает клубное движение (в одном Эдинбурге было 11 клубов с числом членов от 20—25 до 200 в каждом), чартистское церковное движение, образование в Эдинбурге и других городах чартистской национальной гвардии и т. д.³⁸ Райту удалось ярко обрисовать подъем чартизма в Шотландии летом 1848 г. (демонстрация 12 июня 1848 г.)³⁹.

Таким образом, труд Райта значительно расширяет наше представление о чартистском движении как в отношении территориального его распространения на север, так и в смысле своеобразия и разнообразия форм самого движения.

Однако в целом работа Райта написана с позиций, враждебных социализму и революционному рабочему движению. Автор стремился истолковать большой фактический материал, собранный им, в явно тенденциозных целях.

Прежде всего характерна сама оценка Райтом чартистского движения, приводимая в его книге. Чартизм, по мнению Райта, никогда не имел ясной цели и отчетливых идей и исходил, с одной стороны, из наследия, оставленного политическими радикалами конца XVIII и начала XIX в., а с другой, — был вызван экономическими условиями 30—40-х годов XIX в. «Его корни лежали глубоко в экономических условиях, в то время как внешние формы его были чисто политические»⁴⁰. Английский чартизм, утверждает Райт, вместо того чтобы сосредоточить все свои силы на борьбе за продолжение реформы (после 1832 г.), пошел по неправильному, «безнадежному» пути — по пути борьбы рабочих против предпринимателей⁴¹. Таким образом, Райт на самых первых страницах своего исследования стремится ограничить задачи рабочего движения, затушевать классовую борьбу, лишить чартизм характера глубокого социального движения. Впрочем, по мнению Райта, неудачная, противоречивая форма чартизма имела место лишь в Англии; в Шотландии было другое: там рабочие якобы не выступали против предпринимателей, там не было места для вожakov, проповедовавших применение физической силы, там наблюдалось сотрудничество классов, там чартизм оказался «творческим», «конституционным»⁴².

Основная мысль автора книги — обособленность и полное своеобразие шотландского рабочего движения в период чартизма. Чтобы доказать это, он прибегает к «теории трех фаз шотландского чартизма»: 1) английская фаза — 1836—1839 гг.; 2) шотландская фаза — 1839—1842 гг. и 3) ирландская фаза — 1842—1848 гг.⁴³ Это деление истории шотландского чартизма на три «совершенно отчетливые фазы» явно надуманно. В действительности резкого национального различия между тремя названными фазами в Шотландии не было. Влияние английского чартизма на шотландский не прекращалось и во втором и в третьем периодах. «Конституционный», чисто шотландский период, по характеристике Райта, вовсе не оригинален для Шотландии, поскольку преобладание радикалов-реформистов в разные периоды чартизма наблюдалось и в Англии в разных районах (например, в Лондоне и Бирмингеме). Автор почему-то считает, что в третий период в Шотландии все движение сводилось лишь к выступлению ирландцев, хотя он сам же приводит многочисленные факты выступлений английских и шотландских рабочих в том же 1843 г. Самых ирландцев Райт склонен рисовать чрезмерно «кроткими» и «нетребовательными», довольствующимися низким уровнем жизни, и читателю становится в конце концов

³⁸ L. C. Wright. Scottish Chartism, p. 194, 195, 199—200.

³⁹ Ibid., p. 197.

⁴⁰ Ibid., p. 8.

⁴¹ Ibid., p. 7.

⁴² Ibid., p. 21.

⁴³ Ibidem.

даже непонятным, в чем же выразалось шотландско-ирландское движение⁴⁴. Но факты, приведенные в монографии Райта, наталкивают на другой вывод. Они убеждают, что в Шотландии в конце 40-х годов происходило углубление классовой борьбы, что рабочие — англичане, шотландцы и ирландцы — совместно боролись и здесь против предпринимателей в период чартизма, что в Шотландии, как и в Англии, шла весьма ожесточенная борьба между умеренными — «конституционалистами» и революционными лидерами — «экстремистами» и что в общем шотландское рабочее движение развивалось в том же направлении и с той же закономерностью, как и в Англии, хотя и с некоторым своеобразием.

В частности, правильным надо считать замечание автора о том, что промышленный переворот произошел в Шотландии позднее, чем в Англии, и это, конечно, сказывалось на структуре рабочего класса Шотландии в период чартизма.

2

Кроме радикалов, историей чартизма в Англии занимались в течение последних десятилетий многие историки лейбористского лагеря, считающие себя «историками по преимуществу» английского рабочего движения. Сюда относятся прежде всего широко известные работы супругов Хаммонд — «Эпоха чартистов 1832—1854 гг.»⁴⁵ и «Мрачная эпоха или эпоха недовольства»⁴⁶. Вторая книга по существу является несколько сокращенным изложением первой, сохраняя все основные идеи авторов, сформулированные ими в «Эпохе чартизма».

Исследование Хаммондов не дает подробной истории чартизма как политического движения. Авторы ставят себе задачей выяснение лишь обстановки, условий, в которых оно происходило. Их интересуют в первую очередь причины возникновения чартизма, а также причины его прекращения. Книга написана на обширном материале самого разнообразного характера, кропотливо воспроизводящего социально-экономическую и культурную жизнь рабочих различных промышленных центров Англии первой половины XIX в. В восемнадцати главах книги подробно рассказывается о быте крупных и более мелких фабричных городов Англии 30—40-х годов. Самому чартизму в книге уделена сравнительно небольшая глава (глава XIV) под заглавием «Мятеж»⁴⁷, в которой чартистское движение рассматривается весьма скупо и не оригинально. В последней главе⁴⁸, озаглавленной «Начало всеобщего недовольства», говорится об улучшении экономического положения рабочих в конце 40-х и в 50-х годах XIX в.

Книга Хаммондов освещает многие конкретные стороны в жизни английского рабочего класса, но с методологической точки зрения она явно несостоятельна. Работа эта совершенно дезориентирует читателя, сводя все причины чартистского движения к недовольству рабочих бытовыми условиями, в частности к их «непривычке», к неприиспособленности к новым тяжелым городским условиям. Стоило только с течением времени городской, коммунальной жизни несколько улучшиться, и недовольство рабочих сразу же исчезло, чартисты полностью прекратили свою деятельность. Борьба рабочих за Хартию стала сразу бесцельной. Такова основная идея книги Хаммондов.

По мнению авторов, противоречивая обстановка в Англии первой половины XIX в. находит полную параллель с историей древнего Рима первых столетий нашей эры, когда в обществе тоже наблюдалось громадное недовольство. Реформы Августа в I в. и Антонинов во II в. н. э., направленные на развитие муниципальной жизни, способствовали, однако, успокоению общества⁴⁹. Римское правительство, содействуя

⁴⁴ L. C. Wright, *Scottish Chartism*, p. 15—16, 161—162.

⁴⁵ J. Hammond and B. Hammond. *The Age of the Chartists 1832—1854*. London, 1930.

⁴⁶ J. Hammond and B. Hammond. *The Bleak Age*. London, 1934 (переизд.—1947); см. также J. Hammond and B. Hammond. *The Skilled Labourers, 1760—1832*. London, 1917.

⁴⁷ В книге «*The Bleak Age*» ей соответствует X глава под тем же заглавием и с тем же содержанием.

⁴⁸ В книге «*The Bleak Age*» она озаглавлена «Новый дух».

⁴⁹ J. Hammond and B. Hammond. *The Age of the Chartists*, p. 14—15.

широкому развитию муниципальной жизни, тратило много средств на украшение городов и устройство общественных праздников. Участвуя в общественных зрелищах, бедняки в результате этого чувствовали себя равными богатым. Английское правительство, рассуждают авторы, должно было бы также встать на подобный путь управления. Проповедь Хаммондами «классового мира» между предпринимателями и рабочими формулируется в таком откровенном виде: «Нужно было создать атмосферу духовной симпатии между правительством и управляемыми, между различными классами»⁵⁰. К сожалению, сетуют авторы, английское правительство не сразу поняло это. Кестрип и Сидмаут думали править при помощи террора. «Но, к счастью, в Англии все же победила партия реформы. Пиль и Юм действовали уже противоположными методами»⁵¹.

Рабочий класс рассматривается Хаммондами как какой-то большой, но неразумный ребенок, которым господствующий класс и правительство могут всецело руководить, овладевая его (рабочего класса) воображением⁵² или добываясь покорности рабочих путем некоторого улучшения их материального уровня и культурно-бытовых условий.

Общий вывод о чартизме у Хаммондов ничем не отличается от выводов историков буржуазно-радикального направления. По мнению Хаммондов, чартизм был исключительно временным явлением в истории рабочего класса Англии. Когда чартизм прекратился, рабочее движение переключилось на борьбу за разные реформы: реформу образования, реформу здравоохранения, перешло в движение трезвенников, в тред-юнионизм и т. д.⁵³ Классовая ненависть уступила место мирному классовому сотрудничеству, наивно заявляют авторы⁵⁴.

Более серьезный и более научный характер несут работы видного историка-лейбориста Дж. Коула, автора нескольких больших работ по истории английского рабочего движения⁵⁵.

Для нашей цели достаточно разобрать две работы Коула: «Краткую историю британского рабочего движения» (первый том) и «Чартистские портреты», чтобы составить представление об общей концепции, манере изложения и характере материала, привлеченного лейбористским историком.

Коул несомненно крупный специалист по истории английского рабочего движения. Приведенный перечень его трудов наглядно демонстрирует энергию Коула как исследователя. Коул хорошо знает источники по истории чартизма: рабочую прессу, мемуары, материалы судебных процессов, документы по истории тред-юнионов. В последних работах, написанных совместно с Постгейтом, значительно усилен экономический материал, относящийся к эпохе чартистского движения. Коул излагает историю чартизма как развитие самостоятельного английского рабочего движения. По сравнению с историками буржуазного радикал-либерального лагеря у Коула в этом отношении есть несомненные преимущества. Чартистское движение, по Коулу, было вызвано в основном экономическими причинами, связанными с промышленной революцией в Англии. Политическая программа, унаследованная от радикалов и выраженная в форме «шести пунктов», воодушевила чартистов-рабочих, но она рассматривалась ими лишь как средство к проведению важных экономических перемен⁵⁶.

Коул подчеркивает рост английского рабочего класса, его стремление к объединению, не игнорируя, однако, распада чартизма на враждующие фракции и груп-

⁵⁰ J. Hammond and B. Hammond. The Age of the Chartists, p. 32.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Ibid., p. 39—40.

⁵³ Ibid., p. 274—276.

⁵⁴ Ibid., p. 276.

⁵⁵ G. Cole. A Short History of the British Working Class Movement 1789—1947, vol. I—III. London, 1948; его же. British Working Class Politics, 1832—1914. London, 1941; Chartist Portraits. London, 1941; G. Cole and R. Postgate. The British People 1746—1946. New York, 1947; первое издание этой работы под заглавием «The Common People 1746—1938» вышло в Лондоне в 1938; G. Cole and A. Filson. British Working Class Movement. Select Documents 1789—1875. London, 1951.

⁵⁶ G. Cole. A Short History..., p. 158.

пировки. В частности, Коул придает большое значение Национальной чартистской ассоциации, которую радикалы, как правило, третировали.

Коул сочувствует жертвам правительственного террора, направленного против чартистского движения, указывает на массовые аресты чартистов, на длительные тюремные заключения, на трагическую судьбу почти всех чартистских лидеров. Особенно яркий материал в этом отношении дается Коулом в его книге «Чартистские портреты». Коул уделил внимание не только «партии моральной силы» во главе с Ловеттом и Атвудом, но и «партии физической силы», руководимой О'Коннором, а также, в известной степени, и левому крылу чартизма — Дж. Гарни и Джонсу. Причины неудачи чартизма Коулом в общем определены правильно: политическая незрелость английского рабочего класса, его недостаточная организованность, ошибки лидеров движения, с одной стороны, и вступление английского капитализма в 50-х годах в фазу «процветания» — с другой⁵⁷.

Однако ряд моментов в концепции Коула сближает его с историками-радикалами, чьи взгляды были рассмотрены выше. Стараясь «беспристрастно» изложить историю борьбы сторонников «физической» и «моральной» силы в чартизме, Коул все же отдает явное предпочтение вторым. Так, лондонские рабочие, основатели Лондонской ассоциации рабочих, были «трезвыми» и «настойчивыми» людьми, а О'Коннор — лишь «демагогом»⁵⁸. Стердж, определенный противник чартизма, у Коула не только не разоблачается, но фигурирует среди прочих лидеров даже в «Чартистских портретах». «Чартистские портреты», написанные в общем довольно эмоционально и читающиеся с большим интересом, тем не менее производят странное впечатление своим подбором. Здесь и революционные чартисты — Фрост, О'Брайен, О'Коннор, Гарни, Джонс, и умеренные лидеры, сторонники мирной тактики — Ловетт и Атвуд. Имеются также портреты и всякого рода попутчиков чартизма и даже просто современников чартистского движения, непосредственно в нем не принимавших никакого участия, а иногда прямо мешавших ему (Сгифенс, Кунер, Остлер, Филден, Стердж). И для каждого из них у Коула находится «доброе слово». Это поистине какое-то смещение в одно целое самых различных в политическом отношении фигур и характеров, взятых из пролетарской, буржуазной и мелкобуржуазной среды.

Нужно указать еще на несколько моментов, которые бросаются в глаза при чтении работ Коула и оставляют у читателя своего рода чувство досады. Так, подобно радикалам, Коул склонен рассматривать движение северных рабочих в период чартизма как движение исключительно «голодного люда». «Голод и ненависть, — пишет он, — были теми силами, которые создали чартизм как массовое движение британского рабочего класса»⁵⁹. Конечно, вытеснение рабочих, работавших на дому, машинным производством создавало на Севере безработицу, снижение заработной платы, чрезвычайно тяжелые условия фабричного труда. Но можно ли сводить всех участников чартистского движения на Севере только к одним «голодным» и «безработным» элементам? Не чувствуется ли здесь желание автора подчеркнуть «стихийность» и «отчаяние» Севера по сравнению с более «благонамеренными» и «скромными» в своих требованиях рабочими Лондона и Бирмингама?

С другой стороны, Коул, хотя и признает известные положительные результаты чартизма в смысле накопления рабочим классом опыта, в целом все же оценивает чартистское движение лишь как поражение рабочих, подчеркивая в ряде мест абсолютную «неизбежность» этого. Характеризуя конец деятельности О'Коннора, Коул пишет: «Без поддержки буржуазных радикалов рабочий класс был бессилен и чартистская революция вообще была невозможна. О'Коннор был несчастным лидером движения, заведомо обреченного на неудачу»⁶⁰. Такой же несчастной личностью, отмечает Коул, был и Эрнест Джонс, принявший участие в движении, когда оно уже шло на убыль⁶¹. Э. Джонс стал, по мнению Коула, национальной фигурой

⁵⁷ G. Cole and R. Postgate. The British People..., p. 171.

⁵⁸ G. Cole. A Short History..., p. 140; cp. G. Cole and R. Postgate. The British People..., p. 237.

⁵⁹ G. Cole. Chartist Portraits, p. 1.

⁶⁰ Ibid., p. 304—305.

⁶¹ Ibid., p. 354, 356.

только тогда, когда, отказавшись от положения лидера чартизма, он перешел к сотрудничеству с радикалами в новом движении за парламентскую реформу 1867 г.⁶². Нетрудно заметить, что такое чрезмерное подчеркивание зависимости рабочего класса от радикалов противоречит другим местам в работах Коула, где он подчеркивает, наоборот, рост самостоятельного рабочего движения в период чартизма:

Подъем английского капитализма с начала 50-х годов Коул безоговорочно характеризует как период «золотого века»⁶³, не упоминая совершенно об оборотной стороне медали — о продолжающейся нищете значительной части английского пролетариата⁶⁴. Таким образом, в работе Коула, много сделавшего по истории английского рабочего движения, содержится немало недостатков, присущих буржуазным радикалам. Черты известной почтительности в отношении буржуазного строя, идеализация его, в частности преувеличение успехов капиталистического развития в Англии в 50-е годы, усиленное подчеркивание незрелости чартизма, его организационной слабости и зависимости от союзников — радикалов, проглядывают во всех работах Коула и оставляют советского читателя явно неудовлетворенным позицией автора.

Следует отметить, что Коул не вскрыл в должной степени революционного значения чартизма как первого выступления английского рабочего класса за власть, способствовавшего впоследствии формированию его в независимую от буржуазии политическую силу.

3

За последние десятилетия историей чартизма все более стали заниматься английские историки-марксисты. Раздел о чартизме включен в известную работу А. Л. Мортон по истории Англии (книга издавалась в 1935 и 1948 гг.; последнее издание было переведено на русский язык)⁶⁵. В связи со столетием революции 1848 г. английские историки-марксисты отметили юбилей чартизма несколькими работами. В 1948 г. вышел сборник документов под заглавием «От Коббетта до чартизма», составленный Максом Моррисом⁶⁶. Сборник содержит материал по истории рабочего движения первой половины XIX в.; раздел о чартизме занимает в нем центральное место. В органе коммунистической партии Англии «The Communist Review» была напечатана юбилейная статья Морриса «Чартизм в 1848 г.»⁶⁷.

Несмотря на свою краткость, статья Морриса читается с интересом, в ней дается оригинальное толкование событий 10 апреля 1848 г. и подчеркивается благотворное влияние чартизма на последующее английское рабочее движение. Моррис совершенно справедливо полемизирует в ней с буржуазными историками, обычно «смакующими» неудачу чартизма 10 апреля 1848 г. и заявляющими, что чартизм был будто бы в это время уже «мертв», что «британские рабочие слишком благоразумны для того, чтобы встать на революционный путь»⁶⁸.

Моррис правильно указывает на продолжение и даже усиление борьбы на отдельных участках чартистского движения в период 1843—1847 гг., несмотря на суровые репрессии против чартистов в связи с попыткой организовать всеобщую стачку в 1842 г. Моррис подчеркивает серьезность обстановки в Англии и в 1848 г. Чартизм несомненно усилился в это время под влиянием революции на континенте. Но движение с подачей третьей петиции, принявшее форму грандиозной демонстрации, не удалось. Правительство мобилизовало крупные военные силы и привлекло на помощь 150 тыс. добровольных констеблей из буржуазной среды (не считая нескольких тысяч вооруженных слуг из пригородных маноров, которые были направ-

⁶² Ibid., p. 357.

⁶³ G. Cole. A Short History..., p. 188.

⁶⁴ Об обнищании английского пролетариата в период подъема английского капитализма см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 5—9.

⁶⁵ А. Л. Мортон. История Англии. М., 1950.

⁶⁶ «From Cobbett to the Chartism 1815—1848. Extracts from Contemporain Sources. London, 1948.

⁶⁷ M. Morris. Chartism in 1848.— «The Communist Review», April 1848, p. 109—115.

⁶⁸ Ibid., p. 109.

лены в Лондон английской аристократией). Кроме того, руководство чартистов было расколото на разные фракции, что мешало лидерам действовать решительно⁶⁹.

Чартизм в 50-е годы сошел с политической сцены. Но его боевое влияние чувствовалось и в последующие десятилетия. «Дух мятежа и независимости, характерный для чартистской агитации, сказывался и на бурно развивавшихся тред-юнионах, и на борьбе за новую избирательную реформу, и на растущем кооперативном движении», — подчеркивает Моррис⁷⁰. Чартизму же обязаны английские рабочие и своим интернационализмом, который никогда не умирал в британском рабочем движении. Особенно ярко он проявился в связях английских рабочих с вождями континентального рабочего движения, вынужденными эмигрировать после 1848 г. в Англию⁷¹.

Последней работой, которой мы заканчиваем обзор английской литературы по чартизму, является исследование общего характера по истории рабочего движения в Англии, опубликованное английскими историками-марксистами А. Л. Мортон и Дж. Тэйтом в 1956 г.⁷². Главное внимание в работе уделено истории английского рабочего движения конца XIX и начала XX в. Из десяти глав книги только первые три относятся к домополюстическому периоду.

Уже первая глава работы Мортон и Тэйта, носящая заглавие «Рождение класса» интересна своей постановкой вопроса. По мнению авторов, вторая половина XVIII в. была важнейшей эпохой в истории английского рабочего движения. Класс рабочих в новейшем смысле этого слова сложился в Англии только в 60-х — 80-х годах XVIII в. Его консолидация была связана с успехами капитализма, с промышленным переворотом, с появлением новых отраслей промышленности, с победой машинного производства⁷³. Однако на первых порах рабочий класс Англии был еще весьма неоднородным. Рядом с рабочими, обслуживавшими крупную фабричную промышленность, продолжали еще долго существовать искусные высококвалифицированные ремесленники, работавшие самостоятельно в своих мастерских, часто с одним, двумя учениками или рабочими-подмастерьями. Таким ремесленным рабочим, гордившимся своей квалификацией, часто диссентерам по религиозным убеждениям, трудно было осознать общность своих интересов с интересами рудокопов, докеров или фабричных рабочих. Все же слияние и преобразование всех этих разнородных элементов в единый класс составляет наиболее существенную особенность английского рабочего движения⁷⁴. В то же время вторая половина XVIII в. обнаружила большое тяготение английского пролетариата к политике. Этому способствовало разложение старой вигской партии, выделение из нее радикальных элементов, искавших для себя поддержки в более широких слоях населения. Мортон и Тэйт анализируют деятельность британских якобинцев периода наполеоновских войн и подчеркивают широкий и демократический характер их агитации; характерно, что британские якобинцы обращались к населению наиболее развитых в промышленном отношении центров; таким путем среди рабочих распространились передовые революционные идеи того времени⁷⁵.

Громадное значение в истории английского рабочего класса имели два последующие десятилетия, между окончанием наполеоновских войн и парламентской реформой 1832 г. В это время новая фабричная система сделала в Англии особенно значительные успехи, рабочий класс рос численно и все более превращался в класс индустриальных рабочих, зависевших от крупного капитала. С другой стороны, рабочим пришлось в это время пройти тяжелую школу преследований, притеснений и прямых погромов со стороны правительства реакционных тори (Питеро и прочие). История проведения парламентской реформы 1832 г. показала рабочим, что

⁶⁹ Ibid., p. 114.

⁷⁰ M. Morris. Chartism in 1848, p. 114.

⁷¹ Ibid., p. 114—115.

⁷² A. L. Morton and G. Tate. The British Labour Movement, 1770—1920. A History. London, 1956. См. рецензию на эту книгу М. М. Каролинского — «Новая и новейшая история», 1957, № 3. Частично А. Мортон касается чартизма и в другой своей работе («Английская утопия». М., 1956), где он характеризует как утописта одного из чартистских идеологов — Гудвина Бармби.

⁷³ A. L. Morton and G. Tate. The British Labour Movement, p. 9—10.

⁷⁴ Ibid., p. 11—12.

⁷⁵ Ibid., p. 46.

они были обмануты в своих надеждах на реформу, что буржуазный радикализм не защищает их интересы, что рабочие должны бороться как самостоятельная сила, выступающая против других классов общества. Ко времени чартизма в рабочем движении частично выявились и социалистические тенденции, например, широко распространенное убеждение, что захват политической власти рабочими должен неизбежно привести к преобразованию всей общественной структуры⁷⁶.

С особенным интересом читается вторая глава книги, относящаяся непосредственно к чартизму. Глава о чартизме — сравнительно небольшая, всего около 50 стр., тем не менее авторы высказывают в этой главе ряд весьма оригинальных свежих мыслей, их оценка чартизма носит последовательно марксистский характер. Когда читаешь эту главу, то живо чувствуешь, что для современных английских прогрессивных деятелей чартизм это не просто «прошлое», а нечто весьма актуальное, перекликающееся с сегодняшним днем.

Прежде всего Мортон и Тэйт сумели ярко подчеркнуть классовый и общенациональный характер чартизма: «Когда Хартия вышла за пределы Лондона и Бирмингама и достигла Ланкашира, Йоркшира и Глазго, она сделалась собственностью не какой-либо секты, а целого класса. Началось новое движение с новыми лидерами, в результате чего Хартия была вырвана из осторожных рук Ловетта и Аттвуда и стала центром объединения надежд и стремлений народа»⁷⁷. Хартия символизировала новую жизнь, к которой стремился тогда весь рабочий люд Англии. Детали этой новой жизни представлялись современникам по-разному, но принятая рабочими Хартия единогласно рассматривалась как первый шаг именно к новой жизни. Такого единства в основном вопросе у британских рабочих еще никогда не существовало ранее⁷⁸. На некоторое время чартизм объединил все три формы рабочего движения: тред-юнионизм, политический радикализм (как борьбу рабочих за избирательное право) и социализм. «Чартизм никогда не был социалистическим движением с точки зрения своей программы, — замечают авторы, — но идеи социализма, распространявшиеся в массе рабочих-чартистов, на деле вели их дальше требования шести пунктов»⁷⁹.

Характеризуя состав чартистов, Мортон и Тэйт отмечают наличие «попутчиков» из среды буржуазии (буржуазные радикалы), но главной силой движения они справедливо считают рабочую массу. Авторы различают в ней: а) рабочих ремесленного типа (Лондон и Бирмингам), б) фабричных рабочих Севера и в) многочисленную часть неквалифицированных рабочих — прядильщиков-ткачей на дому, тысячи иммигрантов-ирландцев, безработных и т. д.⁸⁰. Признавая громадное значение этой массы неквалифицированных рабочих, присутствовавших обычно на ночных митингах и участвовавших в демонстрациях, Мортон и Тэйт подчеркивают как наиболее важный момент участие в движении фабричных рабочих, представлявших собой наиболее организованную и зрелую часть пролетариата. Однако недостатком этой части рабочих было то, что они, по мнению авторов, в то время не могли еще выделить достаточно опытных лидеров из своей собственной среды; с другой стороны, связь тред-юнионов с чартизмом хотя и существовала, но не была достаточно тесной⁸¹. Все же авторы сделали интересную попытку выявить ряд лидеров чартизма, вышедших из рабочей среды, — Джорджа Уайта из Брэдфорда, Бенджамина Рэптона из Галифакса, Ричарда Пиллингга из Эштонандер-Лайн и др.⁸². Из общеизвестных лидеров чартизма в книге Мортон и Тэйта наиболее полно охарактеризованы О'Коннор, О'Брайен и Джопс. Характеристика О'Коннора основывается на оценке, которую давал этому деятелю в свое время Карл Маркс, подчеркивавший противоречия его натуры, отражение на его взглядах еще предшествовавшей стадии развития, в частности влияние патриархально-крестьянских настроений⁸³.

⁷⁶ Ibid., p. 16—17.

⁷⁷ A. L. Morton and G. Tate. The British Labour Movement, p. 78.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Ibid., p. 79.

⁸⁰ Ibid., p. 81—82.

⁸¹ Ibid., p. 84.

⁸² Ibid., p. 81.

⁸³ Ibid., p. 82; ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 244.

Мортон и Тэйт признают большую популярность О'Коннора среди народных масс (и англичан и ирландцев), но одновременно отмечают отсутствие у него последовательной политической теории. Это обстоятельство создало особые трудности в руководстве движением во второй период чартизма (1841—1842 гг.), когда движение стало более зрелым и в то же время приобрело более сложный характер⁸⁴.

Интересна трактовка Мртоном и Тэйтом так называемого Земельного плана О'Коннора. Они отмечают, что О'Коннор идеализировал мелкую крестьянскую собственность и мелкие крестьянские хозяйства, разделяя в этом вопросе иллюзии многих тысяч рабочих-чартистов, по происхождению бывших крестьян, которые лишь недавно покинули землю и стали промышленными рабочими. План О'Коннора был явно утопичным. Его опыты с приобретением земли и расселением на ней рабочих закончились полным крахом. Но все же, по мнению авторов, в плане О'Коннора заключалась известная польза для чартистского движения: этот план на известное время сместил вокруг чартистов массу рабочих в тот трудный период (середина 40-х годов), когда чартистское движение начало дробиться на разные группы⁸⁵. С последней оценкой авторов нельзя полностью согласиться. Отношение к земельному плану О'Коннора было весьма различным у самих чартистов. С одной стороны, популярность О'Коннора и чартизма действительно зависела в это время в известной степени от Земельного плана. С другой стороны, трезвые голоса многих чартистских руководителей предсказывали неизбежный крах всего задуманного предприятия. А когда крах наконец произошел, это обстоятельство, конечно, ускорило распад чартизма.

Проследившая историю чартизма в 50-е годы (глава III — «Поиски новой опоры»), Мортон и Тэйт отдают должное энергичной деятельности Эрнеста Джонса в этот последний период чартизма. Они высоко оценивают чартистскую программу, выработанную им и принятую на конвенте чартистов 31 марта 1851 г. Авторы отмечают, что эта новая программа, сформулированная под лозунгом «Хартия и нечто большее», включала в себя многие черты программы позднейшей социалистической партии⁸⁶. Однако чартизм как массовое движение около 1858 г. прекратилось. Большую роль в распаде чартистского движения сыграла, по мнению авторов, грандиозная эмиграция конца 40-х и 50-х годов, когда тысячи наиболее энергичных рабочих навсегда покидали Англию, уезжая в Америку, Австралию и Новую Зеландию⁸⁷. Но даже в середине и конце 50-х годов влияние чартизма еще заметно проявлялось в политической жизни Англии. Чартисты, например, выступали весьма активно на митингах в связи с Крымской войной, а также в связи с началом восстания сипаев в Индии в 1857 г. и т. д.⁸⁸.

В конце Мортон и Тэйт подводят итоги чартистского движения. Ценное в этих итогах то, что авторы хотя и признают поражение чартизма, но в то же время видят его положительные следствия, подчеркивают его громадное историческое значение не только для самой Англии, но и для всего мирового рабочего движения: «Чартизм в это время не достиг осуществления шести пунктов. Но в историческом отношении он имел громадное значение: чартизм был выражением первой *независимой* политической борьбы, которую рабочий класс вел где-либо и когда-либо в мире, и он вписал в историю нашего рабочего класса замечательную главу, которая является одновременно творческой и героической»⁸⁹.

* * *

Сделаем некоторые выводы.

Чартизму в Англии посвящено немало книг. В течение последних тридцати лет английскими исследователями различных направлений была проделана большая работа: собирание материала по истории чартизма, публикация ряда источников, написание отдельных крупных специальных монографий и общих работ.

⁸⁴ A. L. Morton and G. Tate. The British Labour Movement, p. 82, 90, 93.

⁸⁵ Ibid., p. 95.

⁸⁶ Ibid., p. 103.

⁸⁷ Ibid., p. 99, 103.

⁸⁸ Ibid., p. 103—104.

⁸⁹ Ibid., p. 99.

Далеко не все написанное за последние десятилетия по чартизму имеет одинаковую ценность. В работах буржуазных и лейбористских авторов, как мы показали в настоящей статье, наряду с важным фактическим материалом и отдельными верными замечаниями, имеется много фальсификаций, предвзятых мыслей и предрассудков, полонизованной истолковкой чартизм как неудачную попытку рабочих освободиться от руководства буржуазных радикалов, как движение «бесперспективное», «обреченное» заранее на поражение.

В последние годы значительных успехов в разработке проблем чартизма достигли английские историки, стоящие на позициях марксизма. Особенно ценно то, что главное внимание ими уделяется 1848 г. и последующему десятилетию, т. е. периодам, наименее разработанным в историографии чартизма. Они показали громадное значение интернациональных связей чартизма. Чартистское движение прогрессивные историки правильно трактуют как первую революционную политическую борьбу рабочего класса, имеющую всемирно-историческое значение.

Надо надеяться, что марксистские историки Англии, а также других стран, в том числе и историки Советского Союза, будут успешно углублять и расширять изучение чартистского движения, покажут, в частности, во всей конкретности роль самих рабочих масс Англии в зарождении и развитии этого революционного движения, оказавшего в свое время громадное влияние на формирование научного коммунизма, на выработку теории пролетарской революции.

